

Почему во Франции?

Этим вопросом задаются в последние дни многие. Ведь Франция в 1960-е гг. создала идеальные условия для тех, кто решил перебраться в страну из Африки: упрощенные правила для получения статуса эмигранта и натурализации, признание «права земли» и необходимости воссоединения семьи, приличные субсидии – вот лишь короткий перечень льгот. При этом представители третьего и четвертого поколения эмигрантов объединяются с радикальными исламистами, хлынувшими в франкофонные страны Европы, для организации террористических актов. Как это понять? Если сказать коротко - Франция сделала достаточно, чтобы ее ненавидели, и недостаточно, чтобы себя обезопасить.

Коренится ненависть в колониальном прошлом – об этом, к примеру, в «Пустыне» писал Леклезю. Неприятие коренится в последствиях секуляризации французского общества, в полной оторванности церкви от государства, невыносимой для выходцев из исламского мира, где жизнь форматируется по теистическому канону. Далекими они и от приятия лозунга «Свобода, Равенство, Братство», и от разумного эгоизма, индивидуализма, практицизма, характеризующих французскую ментальность. Это повлекло за собой стремление эмигрантов к обособленному жизнеустройству, самоизоляции, образованию разного рода гетто, в которых «закон и порядок» осуществляются не по французским нормам, а по законам шариата, в которых собирается особый налог, формально – на благотворительность, а по сути – на борьбу с неверными. Сборы канализируются, переводятся на арабский Восток, откуда перераспределяются для субсидирования различных акций.

Попытки ассимилировать эти анклавные (с этой целью французскими властями создавались разного рода мусульманские союзы) успеха не имели. Около 30% мусульманских священнослужителей во Франции не знают языка

этой страны, в этом просто нет нужды. Следствием сегрегации стал рост безработицы – до 45% среди молодых людей от 14 до 24 лет. А западные демографы давно установили прямую зависимость brutальной социальной активности от количества не востребованной энергии молодежи. Тем более, когда вместо сомнительных для определенных этнических групп ценностей дряхлеющей Европы (от которых официальная Франция отстывает) этой молодежи предлагается религиозное целеполагание, аксиологическая система, традиционное распределение гендерных функций – и обещание райского инобытия, ради которого стоит пожертвовать жизнью. Жизнь неверных при этом в расчет не берется.

Террор, социальный, этнический, религиозный, всегда считался оружием слабого. Это психическая атака, попытка посеять панику и пробудить недовольство населения властями. Нам это известно со времен народовольцев, но нам известны и последствия попустительства властей, то есть дальнейшая перспектива. Как будет во Франции? Каким будет противодействие? Решится ли Франция на кардинальные, вплоть до изменения Конституции, акции? Или просто у партии Мари Ле Пэн вырастет число сторонников и начнется цепная реакция? Ответы легкими не будут.